

По наблюдениям автора, когда молодой человек пройдет обязательную военную службу и возвратится в отцовский дом, семья сразу же начинает искать подходящую невесту. Близкие родственники выбирают молодую девушку, и родители просят ее руки. В таких ситуациях родители девушки всегда проявляют большую бдительность, серьезность и сразу никогда не дают согласия на брак. При сближении брачной пары учитываются взаимопонимание молодых и любовь между ними. После сговора назначается помолвка. В знак помолвки жених оставляет невесте золотое кольцо. В монографии рассматриваются также причины похищения или же бегства девушки из родительского дома.

Детально описывается в монографии церемониал свадьбы. Анализируя разводы, автор приходит к выводу, что их основная причина — бездетность. Остаться без наследника в Раче, как и в других регионах Грузии, считается большим несчастьем. В семье должна продолжаться отцовская линия, протекать процесс воспроизводства и социализации личности. Автор справедливо указывает, что без учета особенностей семейной структуры невозможно понять ни природу родства, ни сущность и природу брака, ни причины и характер развода. Поэтому совершенно закономерно эти вопросы рассматриваются в тесной связи. Т. Драгадзе выявляет такие термины для обозначения семьи и жилища в Грузии, как «комли», «сахли», «оджахи»; охарактеризованы условия их возникновения и путь развития; дан семантический и этимологический анализ термина «оджахи».

Особенно интересен тот раздел монографии, где рассматриваются формы «духовного», т. е. искусственного, родства. На основе богатого этнографического материала описаны обычаи молочно-породнения, побратинства, посестринства, крещения и отмечено, что между искусственно породнившимися семьями существует четко выраженная система прав и обязанностей.

В разных регионах Грузии, в том числе и в Раче, соционормативная культура на разных ступенях ее развития всегда составляла единую систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических категорий, при помощи которых упорядочивались нормы поведения членов общества. В Грузии на национальной почве соционормативная культура создавала традиционные социально-психологические условия и особенно на сложных этапах этнического развития вместе с другими основными элементами культуры противостояла разным социально-политическим системам и этическим нормам, неприемлемым для грузинского этноса. Этот феномен для современного периода подтверждается всем конкретным этнографическим материалом, приведенным в монографии Т. Драгадзе.

Как видим, рецензируемая монография, несмотря на узкое название работы, охватывает достаточно широкий круг традиционной культуры и других историко-этнографических проблем. Глубоко проанализировав как некоторые вопросы истории Рачи в связи с общей историей Грузии, так и широкий круг современных семейных традиций, Т. Драгадзе показала, что они несут и региональные, и общегрузинские этнические черты. Однако нам кажется, что в данном исследовании могли бы быть более широко привлечены параллельные этнографические материалы, непосредственно связанные с жизнью семьи в других регионах Грузии и у народов Кавказа в целом. Это углубило бы исследование основных проблем. Данное замечание ничуть не умаляет достоинства монографии, которая внесла весомый вклад как в зарубежную этнологическую, так и отечественную кавказоведческую литературу.

Н. В. Мгеладзе

© 1990 г.

Н. В. Кочешков. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989. 198 с., 106 илл. + 13 цв.

Не часто случается в истории науки, и вообще в истории публикаций, как научных, так и не научных, чтобы выход в свет книги пришелся так кстати и был бы столь своевременным. На I съезде Народных Депутатов СССР и в особенности на Съезде малочисленных народов Севера, состоявшемся 30—31 марта 1990 г. обращалось особое внимание на необходимость изучения и сохранения национальных языков и самобытной культуры малочисленных народов Крайнего Севера, живущих в экстремальных условиях. И новая книга Н. В. Кочешкова явилась как бы незамедлительным ответом на эту, поставленную съездом задачу. В рецензируемой работе утверждается непреходящая ценность художественно оформленных предметов материальной культуры, создававшихся на протяжении столетий и создаваемых и сегодня талантливыми представителями народов Арктики; прослеживается непрерывность и закономерная эволюция художественной традиции. Примечательно, что исследование Н. В. Кочешкова, как это явствует из заглавия книги, посвящено собственно декоративному искусству, а не материальной культуре в целом, как обычно бывает в трудах этнографов. Здесь следует отметить, что нельзя согласиться с автором в том, что, мол, «по истории декоративного искусства народов Сибири, в том числе и народов Крайнего Северо-Востока, имеется обширная искусствоведческая... литература» (Введение, стр. 3). Напротив, по нашему мнению, такая литература пока невелика, и труды по декоративно-прикладному искусству народностей крайнего северо-востока стали появляться лишь во второй половине XX в. с расширением границ эстетических представлений. И далеко не всякое, объективно очень ценное, описание художественно-оформленных предметов народного быта может быть отнесено к искусствоведческим работам.

Н. В. Кочешков посвятил свой труд шести арктическим народам Дальнего Востока. Это

азиатские эскимосы, чукчи, коряки, эвены и алеуты. Каждому из них отводится особая глава. Специальная (7-я) глава посвящена развитию традиционного декоративного искусства в советскую эпоху. Кроме того, в книге есть введение, заключение, обширные примечания и библиография.

Во введении автор оговаривает, что из-за недостатка предшествующих этнографических исследований он не включил в свою работу декоративное искусство юкагиров, чувашцев и кереков. Зато искусство выбранных им народностей рассмотрено с большой полнотой и обстоятельностью. Опубликованные во множестве источников разрозненные сведения о художественно оформленных предметах быта тщательно собраны автором воедино и приведены в стройную систему. Судя по содержанию книги, практически ни один труд, затрагивающий исследуемую проблему, не прошел мимо внимания автора, в том числе книги и статьи середины и даже 2-й половины 80-х годов. Н. В. Кочешков изучил также коллекции многочисленных центральных и периферийных музеев, отечественных и зарубежных, полевые материалы экспедиций, проводившихся различными научными учреждениями, частные коллекции, архивы, каталоги союзных, республиканских и зональных выставок последнего времени.

Каждая из шести основных глав начинается кратким историко-этнографическим введением, основанным на трудах путешественников, историков, этнографов XVIII—XX вв; далее следует анализ художественных изделий из мягких материалов (шкур, кожи, замши), создаваемых женщинами. Автор рассматривает также используемые ими специфические технические и художественные приемы. Предметом исследования стали традиционная национальная одежда, головные уборы, обувь, сумки, меховые ковры, а кроме того, оригинальные специфические способы декорирования, такие как меховая мозаика, прорезка ремешков, вышивка подшейным оленьим волосом, сухожильными нитками, бисером. Во второй части каждой главы автор обращается к декоративному искусству мастеров-мужчин: резьбе по дереву и кости, изготовлению и украшению оружия, орудий труда, транспортных средств, ювелирных украшений. В итоге каждая глава дает целостное представление о декоративном искусстве рассматриваемой народности.

Народное искусство советского времени, как уже указывалось, вынесено в отдельную, седьмую главу, где проблемы и перспективы его развития рассмотрены опять-таки по каждому народу в отдельности. Здесь поименно названы многие известные современные мастера и мастерицы, участники союзных, республиканских и зональных выставок, чьи произведения хранятся в коллекциях музеев и в собраниях художественного фонда РСФСР. К сожалению, из-за ничтожного тиража, — всего полторы тысячи экземпляров, — книга как раз может и не дойти до народных мастеров, как это уже неоднократно случилось с подобными изданиями. Книга красиво оформлена художником А. И. Слепушкиным. Большая часть иллюстраций в тексте и на цветных вкладках выполнена самим Н. В. Кочешковым, который проявил себя прекрасным иллюстратором. Надо сказать, что в последние примерно четверть века издательства, занятые выпуском литературы по искусству, в том числе и декоративно-прикладному, цветные иллюстрации делают только со слайдов, выполненных специалистами-фотографами. Для народного декоративно-прикладного искусства эти ограничения неприемлемы. Часто уникальные образцы народного искусства (не имеющие аналогий в музейных коллекциях), попадаются исследователям в очень отдаленных, трудно доступных районах, куда никакой издательский фотограф никогда не доберется. Документальная же цветная зарисовка нередко передает характер вещи и технику ее исполнения с большей точностью. Нам кажется поэтому, что Ленинградское отделение издательства «Наука» (редактор книги А. Ф. Варустина) поступило очень прогрессивно, опубликовав авторские цветные зарисовки Н. В. Кочешкова.

Мы уже говорили о том, что новое понимание эстетической значимости арктического искусства пришло в науку во второй половине XX столетия. На этот новый уровень изучения и осмысления стремится подняться и Н. В. Кочешков. Он продолжает в этом отношении дело своего консультанта и рецензента, известного ленинградского этнографа, ныне покойного, Сергея Васильевича Иванова, создавшего в 1950-х — 70-х гг. подлинную энциклопедию декоративно-орнаментального искусства народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. При жизни С. В. Иванова справедливо называли этнографом-художником. Его методику наследовал и Н. В. Кочешков, в том числе и в составленных им и опубликованных в книге таблицах орнаментальных мотивов, хотя с точки зрения искусствоведения, отдельные фигуры, данные в черном контуре в отрыве от материала, без воспроизведения цвета и техники вне композиционно-ритмической организации на вещи мало что дают для понимания именно красоты и художественного совершенства северных изделий.

Касаясь в главе 7 истории узенской костерезной мастерской, Н. В. Кочешков пишет о роли, которую сыграли в ее организации (1928—1931 гг.) инструктор-костерез И. Морозов и учитель П. Я. Скорик, но почему-то не упоминает о буквально подвижнической деятельности А. Л. Горбункова и позднее И. П. Лаврова и их преемников в 1960-х — 1970-х гг. — художницы НИИХП И. Л. Карахан и искусствовед Т. Б. Митлянской. Не отметил Н. В. Кочешков и появившиеся на последних выставках скульптурные работы узенских мастеров из кости скелета кита. Использование нового материала для традиционной резьбы объясняется тем, что охота на моржей фактически запрещена, и моржовый клык стал остро дефицитным материалом.

Не свободен труд Н. В. Кочешкова и от отдельных неточностей. Так, капор на цветной вкладке на стр. 65 обозначен как «эвенский женский головной убор» в действительности — мужской долганский головной убор. Автор настоящей рецензии видела множество таких капоров на головах мужчин-долган во время экспедиций в Заполярье. Характерна подковообразная нашивка на затылке, обычно из красного сукна, а на ней особый долганский орнаментальный мотив в виде четырехчастной розетки, составленной из двух симметричных, контурных У-образных форм. Также долганским, а не эвенским является и сапог на стр. 170. Он очень похож на аналогичную

эвенкийскую обувь, но отличается от нее введением в нашивку на пришитом суконном борту упомянутых выше четырехчастных розеток.

Неправомерно, как нам кажется, называть декоративно-прикладное искусство народов Крайнего Северо-Востока СССР художественными промыслами. Промыслы в этих районах так и не сложились именно потому, что в своем историческом развитии арктические народы миновали капиталистическую фазу. У них существовало домашнее ремесло, домашняя промышленность, по классификации В. И. Ленина. В 60-е годы были предприняты попытки организовать там предприятия художественных промыслов на новой, социалистической основе, однако в большинстве случаев они не увенчались успехом.

Неправомерно также в какой бы то ни было степени противопоставлять народное декоративно-прикладное искусство народов Крайнего Севера и Северо-Востока профессиональному искусству, под которым подразумеваются его станковые формы: живопись, скульптура. По нашему глубокому убеждению, декоративно-прикладное искусство этих народов высокопрофессионально во всех своих проявлениях. Стремление привлечь молодежь на Севере именно к станковым формам, начиная с 30-х годов, в значительной степени основывалось на том, что их традиционное декоративно-орнаментальное искусство считалось второстепенным, накрепко связанным с отжившим, уходящим в прошлое бытом. Рецензируемая книга Н. В. Кочешкова как раз направлена на реабилитацию народного декоративно-прикладного искусства народов Крайнего Севера и Северо-Востока, на утверждение и пропаганду его непреходящей ценности для современников и для будущих поколений. Незирая на несогласие с некоторыми позициями автора, на спорные моменты и неточности, надо сказать, что книга вносит ценный вклад в науку о художественной культуре малочисленных народов Севера и Северо-Востока СССР и является важным и современным откликом на проблемы сохранения и дальнейшего развития их национальной художественной культуры в современных условиях.

Н. И. Каплан